

ОКНО, КОТОРОЕ ПОКАЗЫВАЕТ НЕ УЛИЦУ,
А ДРУГОЙ ВАРИАНТ ТВОЕЙ ЖИЗНИ

НИКОЛАЙ БЫЧКОВ

18+

Николай Бычков

**Окно, которое показывает
не улицу, а другой
вариант твоей жизни**

«Автор»

2026

Бычков Н.

Окно, которое показывает не улицу, а другой вариант твоей жизни
/ Н. Бычков — «Автор», 2026

Картограф Матвей Гордин запер Город в границы планов. Но в сырой четверг его окно Обводного канала вместо серого двора показывает солнечный южный город и альтернативную жизнь, где он не упустил любимую женщину. Матвей не может не смотреть. Пока чужое счастье наливается плотью, его реальность стремительно вымывается, а двойник из окна требует рокировки. Попытка заколотить раму рушится: из трещин вместо извести брызжет соленая вода. Ловец Душ забирает улов упущенных возможностей, стирая Матвея. Время переписывает историю, превращая героя в безликого железнодорожного обходчика Петра Калинина. Об авторе: Николай Бычков — профессиональный тренер по каратэ с 1978 года, признанный литератор, член Российского союза писателей, отмеченный престижными медалями и наградами в области литературы. Автор пишет стихи, драму, глубокую мистику, сказки и прозу.

© Бычков Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Николай Бычков

Окно, которое показывает не улицу, а другой вариант твоей жизни

Глава

Окно, которое показывает не улицу, а другой вариант твоей жизни

Глава I: Стекло, разделившее судьбу

Инженер-картограф Матвей Гордин всю жизнь занимался тем, что наводил порядок в чужих пространствах. Он чертил безупречные координатные сетки, выравнивал масштабные линейки и намертво запирали Город в границы топографических планов. Матвей верил, что если у вещи есть точные координаты, она безопасна. В его собственной жизни, зажатой в стены холостяцкой квартиры на четвёртом этаже старого кирпичного дома у Обводного канала, хаоса не было. Пахло сухой известью, заваренным цикорием и старым лаком чертёжных столов.

Всё изменилось в сырой, пепельный ноябрьский четверг.

Утром Матвей подошёл к большому арочному окну в гостиной, чтобы привычно оценить плотность питерского тумана. Он ожидал увидеть серый глухой двор-колодец, ржавые крыши гаражей и облысевший тополь. Но за толстым, столетним стеклом лежала совершенно иная реальность.

Там был залитый холодным солнцем приморский город. Матвей увидел широкую набережную, вымощенную белым камнем, и пенные бирюзовые волны, бьющиеся о гранитные пирсы. Из кухни этого чужого, залитого светом дома пахло крепким кофе и выпечкой с корицей. Но самым жутким было не это.

По набережной, держась за руки, шли двое. Женщина со светлыми растрёпанными волосами в синем шерстяном пальто и мужчина. Мужчина повернулся в профиль, и Матвей почувствовал, как у него перехватило дыхание, а пальцы, сжимавшие подоконник, мгновенно онемели.

Это был он сам.

Тот, другой Матвей Гордин, который одиннадцать лет назад не испугался, забрал документы из питерского вуза и уехал за ней — за Леной, его первой и единственной любовью, которую он тогда трусливо отпустил на юг одну. На набережной за стеклом альтернативный Матвей выглядел иначе: его плечи были шире, в движениях сквозила уверенность, а на губах играла спокойная, сытая улыбка человека, который сделал правильный выбор в точке невозврата.

Матвей зажмурился, потряс головой и открыл глаза. За окном снова поплыл привычный душливый туман Обводного канала. Но на подоконнике осталась тонкая полоска просолившейся белой пыли, а от стекла отчётливо пахло морским озоном.

Глава II: Плотность чужого счастья

С этого дня утро превратилось для него в суровую, изнуряющую пытку. Окно больше не хотело показывать серую питерскую известь. Стоило Матвею подойти к раме, как стекло мгновенно очищалось, превращаясь в колоссальный линзовый видеоискатель, транслирующий чужую, украденную у него судьбу.

Ловушка причинности захлопнулась. Он не мог не смотреть. Его собственное серое существование — с чертежами, одинокими ужинами и глухой тишиной подвала — на фоне приморского триумфа казалось блёклой, бракованной сноской.

С каждым днём мир за стеклом становился всё более плотным, тактильным и осязаемым. Матвей ловил себя на том, что начинает забывать детали своей текущей жизни. Он путал номера автобусов, забывал имена коллег по картографическому бюро, а вкус цикория по утрам казался ему пресным, бумажным. Его личная реальность стремительно теряла вес, вымываясь, как старая штукатурка под струёй кислого осеннего дождя.

Зато альтернативная жизнь наливалась кровью и плотью. В пятницу Матвей подошёл к окну и в ужасе отпрянул. Тот, другой Матвей, стоял прямо по ту сторону стекла. Он больше не улыбался. Он стоял в своей светлой приморской комнате, прижавшись лбом к прозрачной преграде, и смотрел прямо на питерского оригинал-двойника.

Взгляд у него был пустым, мёртвым и бесконечно усталым. Глаза казались двумя выцветшими, жёлтыми дисками. Альтернативный Матвей словно знал что-то такое, от чего у живого картографа кожа покрылась крупными пупырышками холодного пота. Он не просил о помощи — он требовал. Его плоский силуэт за стеклом с каждым часом становился всё массивнее, вытесняя свет Обводного канала.

Матвей попытался заколотить окно. Он схватил тяжёлые сосновые доски, молоток и яростно вогнал первый гвоздь в старую дубовую раму. Но стоило стальному острию коснуться дерева, как стекло издало протяжный, стонущий звук, похожий на крик раненого зверя. Из крошечной трещины у гвоздя брызнула не известь, а густая, тёплая бирюзовая вода, пахнувшая солью и гниющими водорослями. Окно отказалось принимать его механическую защиту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.